

О. В. Киреева

Границы города – границы культуры: российские реалии

Границы как способность человека структурировать внешнее и внутреннее испокон веков составляют немаловажную часть «оборонительной системы» человеческого сознания. В статье представлены размышления на тему границ в их общекультурном понимании, а также границ городской культуры, в их генезисе и современном состоянии на примере России.

Ключевые слова: город, культура России, граница в культуре, границы городской культуры, размытие границ

Olga V. Kireeva

City boundaries – culture boundaries: Russian realities

Boundaries as a person's ability to structure the external and internal from time immemorial, are an important part of the «defense systems» of human consciousness. The article presents reflections on the theme of borders in their cultural understanding, and the boundaries of urban culture, in their genesis and current status in Russia.

Keywords: city, culture of Russia, the border in the culture, the boundaries of urban culture, the blurring of the boundaries

Испокон веков человек стремится к определению, структурированию и ограничению окружающего его мира. Это качество человеческого сознания трактуется в психологии как необходимость в безопасности как физической, так и духовной, т. е. необходимость границ. Наличие охраняемых границ территории постоянного проживания (страны, города, деревни, дома, квартиры) – это череда стен, обеспечивающая внутренний психологический комфорт индивида. К фактическим границам можно добавить границы правовые, моральные, религиозные и пр., которые также составляют немаловажную часть «оборонительной системы» человеческого сознания. Еще в древности мы обнаруживаем стремление человека к лимитации своего пространства, разграничение территорий, племен, функций (гендерных, возрастных и пр.), создание сакрального «щита» через систему повседневных и праздничных ритуальных обрядов, сакрализацию предметов и мест: камней, деревьев, жертвенников и т. д. Первобытного человека можно сравнить с ребенком, делающим первые неосторожные шаги, старающимся определить свое место в мире, прощупывающим границы дозволенного Матерью Природой. «Ребенок должен знать, где проходят границы его собственности, т. е. за что он должен отвечать и за что не должен <...> Расплывчатое представление о допустимых границах приведет к тому, что такой человек станет требовать полного подчинения себе окружающих и совершенно не будет контролировать себя¹.

Однако, как известно, нет таких правил, ко-

торые не хотелось бы нарушить, заборов, через которые никто не лазил, – в этом есть противоречие, биполярность человеческой природы: упорядочить и разрушить, сковать себя и освободиться. Творчество, к примеру, обусловлено способностью человека возвыситься над границами обыденного. То же можно сказать о науке. Еще отец кибернетики Норберт Виннер утверждал, что истинные открытия происходят на границах научного знания. В практику медитации входит выход души за пределы телесной оболочки и пр.

Уже более полувека мы наблюдаем общемировую тенденцию к доминированию деструктивного начала, к раскрепощению, размыванию границ пространства, поведения, ценностных установок и т. д. Попробуем поразмышлять на тему границ в их общекультурном понимании, а также границ городской культуры, их генезисе и современном состоянии на примере России.

Граница в нашем современном понимании имеет достаточно широкое определение. Согласно словарю Т. Ф. Ефремовой, граница – это: «1) а) Условная линия, разделяющая смежные области, владения, участки и т. п., являющаяся пределом какой-л. территории; черта раздела. б) Условная линия, определяющая пределы государственной территории, разделяющая смежные государства; рубеж. в) Пределы расположения, нахождения чего-л. 2) а) То, что отделяет, отличает одно от другого, разграничивает что-л.; грань. б) Область соприкосновения разных, но связанных между собою процессов, явлений и т. п.»². В русском языке слово «граница» являет-

ся производным от слова «грань», отсюда глагол «гранить», т. е. делать насечку, обтесывать, и прилагательное «грановитый», т. е. имеющий грань (и) (ср. Грановитая палата – один из ее фасадов декорирован гранями). Как пишет В. И. Даль, слова «рубеж» и «грань» в старину «означали межу и межевые знаки, которые нередко нарубались на деревьях, а на березе рубежи и грани, т. е. знаки, резы, с камня на вяз, а на вязе граница крестьян. в этом знач. грановитый, граничный знак: да со леху долом прямо через поперек бору к грановитой сосне»³. Синонимичны слову «граница» в русском языке также слова «борт», «край», «межа», «мера», «предел», «рубеж», «черта». Однако первоочередное значение для нас представляет не просто этимология слова, а смысл, который исторически вкладывался в понятие «граница»: граница чего, для чего, между чем и чем, от кого. Отсюда вытекают антитезы: **свое – чужое, родина (родной край) – чужбина (сторона), граница – заграница, халуга (изгородь) – захоlustье** (неосвоенное либо заброшенное место, медвежий край) и др. Схожую этимологию термин «граница» имеет и в европейских языках:

– англ. boundary (n.) от bound – межа или межевой камень

ср. «merestone» (n.) – межевой камень

– англ. margin (n.) – в середине XIV в. «край моря или озера», а также «пространство между блоком текста и краем страницы», от латинского marginem – «край, грань, граница, край»⁴.

Отсюда берет свое начало слово «маргинал» или «маргинальность» от позднелат. marginalis – «находящийся на краю». В культурологии маргинал – это человек, находящийся на стыке культурных течений, подвергающийся влиянию различных систем, культур, социальных групп и т. д. С. Хантингтон еще в 1993 г. прогнозировал, что важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Сегодня мы видим, как эти конфликты обостряются.

Границы города, равно как и границы городской культуры, также не являются строго осязаемыми. Исполнок веков город – это сакральный щит, призванный защитить горожан не только от чужаков, но и от нечистой силы. Возник ли бы город, если бы не от кого было отгораживаться, защищать свою жизнь и имущество, как если бы не было этнического и культурного разнообразия и противодействия? Ответ будет отрицательным, так как город, как и любой другой феномен культуры, рождался при взаимодействии человека с природой либо человека с человеком как носителя различных культурных традиций. Так и «диалог между субъектами горо-

да ведет к культуротворчеству»⁵. Столкновения оседлых и кочевых культур (соответственно земледельческих и скотоводческих), а также взаимодействия внутри самих данных культур вынуждали народы охранять свои материальные ценности, намечать невидимые грани своих владений и добиваться их признания «чужаками». Таким образом, стремление людей защититься стало одним из факторов образования огороженных поселений и огражденности как одного из признаков зарождающегося города.

Прослеживая происхождение русского слова «город», нельзя не отметить сходство определения с греческим и римским определениями, отражающее родственность традиций этих культур с русской. И. М. Дьяконов отмечает, что, например, в Передней Азии до середины I тыс. до н. э. не было терминологического различия между словами «город» и «деревня»⁶. Выделяются такие названия поселений: шум. urubar(r)-а, аккад. karum, евр. קָרָא, что обозначало временное становище пастухов и охотников, в отличие от деревни. Интересно, что хазарские города (основанные гораздо позже древних восточных городов) также складывались на основе зимних стоянок, а весной до следующей зимы кочевники под предводительством царя с двором уходили⁷. Однако древний город осознался в отличие от традиционного поселения «как явление особое, новое, богом данное». В античности уже существовало четное разделение понятия город – πόλις (этимология связана с глаголом «переворачивать», «пахать», «населять», «обитать»), т. е. в понятие «полис» входят пашня и сам населенный пункт. Латинское слово «urbs», от которого пошел термин «город» в европейских культурах, имеет этимологию «очерчивать», «опахивать окружность», что соответствует древнему обряду основания города не только в европейских культурах, но и в древнерусской. В сознании древнего поселенина город представлялся закрытым, защищенным, труднодоступным и, наконец, сакральным местом. Так, например, со «змиевыми» валами (земляными сооружениями, защищавшими русские земли от кочевников) связано древнее сказание о Кирилле Кожемяке. Согласно ему, Кожемяка, победив змея, обложившего Киев и требовавшего в виде дани от киевлян детей, запряг змия в железный плуг и проложил борозду по русскому царству до моря, в котором змий и погиб (ср. с традицией очерчивать место будущего города в европейской городской культуре). Одним словом, одной из первоначальных функций города была защита человеческой жизни, чего отнюдь не скажешь о современном городе.

Опутывая себя цепями условностей, огра-

ничивая движение тела и мысли, человек становится заложником собственного дома, квартиры, компьютера, телефона... Сто границ, одна в другой, мнимая свобода в виртуальном пространстве, на деле – тюрьма по своей воле. «Виртуализация мира, поглощающая „всего-навсего“ живое слово, столь безобидная на первый взгляд, становится непредсказуемым орудием убийства. Война, которую, казалось, можно не заметить, „отключить“ кнопкой телевизора, давно идет вокруг и внутри нас»⁸.

Сегодня как сами горожане, так и городские общественные институты в целом – это не только носители, переносчики, но и «передвижники» городской культуры и ее границ. Города всегда были «воронкой», засасывающей все и всех. Однако вектор движения изменился, границы городской культуры потеряли свое значение, свой исторический смысл. Благодаря современной скорости распространения информации, границы городской культуры открыты, наблюдается процесс **дезурбанизации в культуре**. Дезурбанизация сегодня – это отток населения из города в сельскую местность, другую страну либо отказ от определенного места жительства, это и естественный процесс поглощения свободного природного пространства человеком. Дезурбанизация в культуре – это, с одной стороны, размывание границ городов и городской культуры, с другой – это освобождение (или попытка освобождения) духовного опыта индивида от давления ценностных и других установок городской культуры. Таким образом, дезурбанизация в культуре – это культура в движении, как движение людской массы, так и движение информации. Мы предлагаем выделять следующие формы дезурбанизации:

1. 1. Реальная:

– деревня, село или община (в том числе экопоселения);

– природа;

– монастырь;

– заточение.

1. 2. Условная:

– Интернет и другие формы компьютерных «путешествий»;

– удаленная работа;

– движение культурных форм за фактические границы городов.

2. Добровольная – принудительная.

3. Постоянная – временная (например, сезонная: выезд в загородный дом, на работу, в отпуск).

Европейские ученые также высказывают теории о новом этапе развития городов – постурбанизации и о дезурбанизации как о феномене, его характеризующем. Как отмечает фран-

цузский урбанист Т. Ребур, «мы вступаем в новую эру постурбанизации. Со своей стороны, я задам вопрос, который мне кажется фундаментальным, и я выдвигаю тезис о возможной деурбанизации: как доминирующие центробежные потоки на всех уровнях могут привести к росту городов? Уточним, что эти доминирующие центробежные потоки действительно существует сегодня только в развитых странах с конца 1960-х гг., вызывая субурбанизацию, явление, которое не существует в слаборазвитых странах (перевод мой. – О. К.»⁹.

Если говорить о российских реалиях, то следует обратить внимание, что страна вовлечена в общемировой процесс «размывания» границ городской культуры, чему способствует повсеместное распространение Интернета, мобильной связи, дистанционных форм обучения, работы, широкоразвитая служба доставки промышленных и продовольственных товаров.

Российские города долго носили аграрный характер, это отражалось как в прилегающих территориях, так и в черте города (так огороды долго были непременной атрибутикой русских городов), да и по сей день мало что изменилось. Демографические данные говорят о высокой степени сопряженности процессов урбанизации и рурализации в постсоветской России: люди переезжают в центры субъектов РФ (по данным за 2010 г., особенно видна динамика в Центральном ФО, Северо-Западном ФО, Северо-Кавказском ФО и Уральском ФО¹⁰), а города «отвоевывают» прилегающие территории у областей. За счет развитой системы логистики крупные города приобретают все большую независимость от прилегающих к ним сельских территорий (не от продуктов, производимых на ней, не от кадров). Проявляя невнимание к дочерним областям, не пользуясь их ресурсами, города теряют базу для своего будущего воспроизводства, рискуя повторить опыт Рима, потерявшего власть над завоеванными территориями.

Безграничность – синоним русского мира, который характеризуется размытостью понятия «граница» в пространстве, времени, в умах. «Слабое ощущение границ бытия – черта национального характера не только положительная, раскрывающая вселенский характер русской культуры, но и опасная, „снимающая“ так необходимую для выживания и самосохранения любой культуры как суперсистемы определенность, ограниченность, иерархичность»¹¹.

Подобное отношение к пространству зародилось еще в Древней Руси и было предопределено специфическими условиями

формирования государства. Так, например, в Древней Руси не было такой плотности населения, как в Европе, и, соответственно, такого количества военных столкновений между племенами. Основная масса восточнославянских племен была родственна между собой по языку и имела также торгово-политические контакты. К тому же в процессе славянского переселения на территорию Восточно-Европейской равнины общинно-племенной строй разрушался, порою роды разбивались, кто-то ушел вперед раньше, кто-то отстал и остался позади, и, таким образом, у славянина сложилось представление о том, что где-то в другом селе или городе живет его родич. Складывалась национальная идентичность, представление о единстве славянских племен, что немало способствовало консолидации земель и городов Древней Руси. В «тесной» Европе шла ожесточенная борьба между племенами за расширение границ своих территорий, отсюда интенсивный темп оборонительных действий, в частности создания укрепленных поселений как форпостов территорий и символов того, что данная земля уже «занята». П. А. Сапронов отмечает немногочисленность городов и жителей городов, а также редкость городских поселений на Руси по сравнению с западными городами. По его подсчетам, Киев XIII в. насчитывал около 40 тыс. человек, Новгород – 20 тыс., в то время как в Лондоне и Милане проживали около 100 тыс., а в Венеции – 150 тыс. Сопоставляя культуру Европы и Руси, исследователь говорит, что «нельзя не отметить, что плотность населения в несколько человек на квадратный километр создает совсем иной баланс между культурой и природой по сравнению с плотностью в десятки человек на квадратный километр. В первом случае природы будет несоизмеримо „больше“, чем культуры»¹². Таким образом, меньшая численность населения, а также меньшая частота расположения городов на Руси не вызвала такой необходимости в усложнении социально-экономического устройства (создании гильдий, цехов, братств), как в европейских городах.

В частности отсюда и известная гигантомания русских: из глубины веков происходит и наше представление о «прозрачности», номинальности и легкой преодолемости границ. По меткому выражению Е. Б. Рашковского, Россия – страна «победившего постмодерна»¹³.

Дабы конкретизировать задачи страны и обратиться к действию русского человека (по натуре созерцателя), руководство страны не раз прибегало к созданию образа внешнего

врага как раньше, в древности, так и сейчас, через противопоставление своей культуры чужой: война, терроризм как крайние меры. А в современном городе, например, эта ситуация находит выход через межэтнические конфликты. Блокада явилась страшным примером формы осознания городских границ и границ городской культуры (понятия «блокадник», «ленинградец» стали культовыми). «Русскому миру порою необходим образ врага, так блестяще использовавшийся в советской идеологии. Образ, угрожающий границам русского мира, заставляющий русских вспомнить о своей русскости»¹⁴. Стоит вспомнить также недавний всплеск патриотизма, вызванный разногласиями русско- и украиноязычных граждан на Украине и в Крыму. В периоды конфликтов мы как нельзя более остро ощущаем границы своей территории.

Если говорить о современной российской культуре в целом, религия могла бы выступить системообразующим «стержнем» культуры, определяя ее духовные границы, как это было в древности, когда христианство было призвано примирить, сплотить под своим знаменем полиэтничное, поликонфессиональное население городов. Но сегодня, к сожалению, делается все, чтобы этого не случилось. Человек – творец своих границ, творец своего внутреннего мира и устроитель внешнего пространства. Вот что, согласно философской трактовке Джованни Пико делла Мирандола, Творец сказал Адаму: «Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю... чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочитаешь»¹⁵. Определим сперва границы внутри себя.

Примечания

¹ Клауд Г., Таунсенд Д. Дети: границы, границы... / пер. с англ. И. Стариковской. М.: Триада, 2001. С. 24.

² Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразоват. М.: Рус. яз., 2000 // Сборник толковых словарей: сайт. URL: <http://slovarsbor.ru> (дата обращения: 13.10.2014).

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1903. Т. 1 // Энциклопедии & Словари: коллекция энцикл. и слов: электрон. ресурс. 2009–2013. URL: <http://enc-dic.com> (дата обращения: 13.10.2014).

⁴ Online etymology dictionary. URL: <http://etymonline.com> (дата обращения: 18.09.2014).

⁵ Яковенко И. Г. Город в пространстве диалога культур и диалог города // Социокультурное пространство диалога. М., 1999. С. 93.

О. В. Киреева

⁶ Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. // Древний Восток: города и торговля. Ереван, 1973. С. 32.

⁷ Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2001. С. 540.

⁸ Уваров М. С. Постмодернистская цивилизация? // Цивилизация: вызовы современности: сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 179.

⁹ Цит. по интервью Тьерри Ребура по поводу книги: Ferrier J.-P., Guieysse J.-A., Rebour T. «L'étalement urbain» dans les pays développés: désurbanisation ou post-urbanisation? Saarbrücken: Éditions Universitaires Européennes, 2010. 204 p. (Entretien avec Thierry Rebour / par Cyril Froidure // Les Clionautes. 2010. 25 octobre, lundi. URL: <http://www.clionautes.org> (дата обращения: 15.10.2014)).

¹⁰ Пространство современной России: возможности и барьеры развития: размышления географов-общество-

дов / отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М.: Вузовская кн., 2012. С. 154–167.

¹¹ Девонина В. А. «Русский мир» XXI в.: проблема границ // Фундаментальные проблемы культурологии. М.; СПб.: Новый хронограф: Эйдос, 2009. Т. 7: Культурное многообразие: теории и стратегии. С. 195.

¹² Сапронов П. А. Русская культура IX–XX вв.: опыт осмысления. СПб.: Паритет, 2005. С. 48.

¹³ Рашковский Е. Б. Постмодерн: культурная революция или культурная контрреволюция? Ч. 2, § 4. История российской – через призму постмодерна // Adhdportal: сайт. 2010–2013. URL: <http://adhdportal.com> (дата обращения: 13.10.2014).

¹⁴ Девонина В. А. Указ. соч. С. 196.

¹⁵ Пико Делла Мирандола Д. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 248–249.